

- Excavation Team. – Tokyo: Kokugakuin University, 1999. – P. 135 – 144.
- Derevianko A.P.** The Paleolithic of Mongolia // From Sozudai to Kamitakamori. World Views on the Early and Middle Paleolithic in Japan. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 159 – 174.
- Derevianko A.P., Petrin V.T.** The Neolithic of the Southern Russian Far East: A Division into Period // The Origin of Ceramics in the Far East. International Symposium. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1995. – P. 7 – 9.
- Dyakov V.** The Oldest Habitation Site on the West Coast of the Sea of Japan // Current Research in the Pleistocene. – 1997. – Vol. 14. – P. 20 – 21.
- Erlandson J.M.** Asia and Australia during the Pleistocene-Holocene Transition // Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 171 – 174.
- Erlandson J.M., Moss M.L.** The Pleistocene-Holocene Transition along the Pacific Coast of North America // Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 277 – 301.
- Glassow M.A.** Middle Holocene Cultural Development in the Central Santa Barbara Channel Region // Archaeology of the California Coast during the Middle Holocene / Eds. J.M. Erlandson, M.A. Glassow. – Los Angeles: The UCLU Institute of Archaeology Editorial Board, 1997. – P. 73 – 90.
- Hayden B.** Research and development in the Stone age: Technological Transitions Among Hunter-Gatherers // Current Anthropology. – 1981. – Vol. 22. – P. 519 – 548.
- Jochim M.A.** Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. A Predictive Model. – N.Y.: Academic Press, 1976. – 203 p.
- Jochim M.A.** Strategies for Survival. Cultural Behavior in an Ecological Context. – N.Y.: Academic Press, 1981. – 230 p.
- Kajiwarra H.** New Perspective on the Origin of Pottery in the Southern Part of the Russian Far East // Late Paleolithic – Early Neolithic of Eastern Asia and Northern America. – Vladivostok: Dalpress, 1996. – P. 92 – 98.
- Keeley L.H.** Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.
- Kononenko N.A.** Some Problems of Cultural Contacts in the Late Pleistocene-Early Holocene of Eastern Asia // The 2nd International Symposium: Suyanggae and Her Neighbours. – Tanyan: N.p., 1997. – P. 59 – 73.
- Kononenko N.A., Krupyanko A.A., Tabarev A.V.** Ustinovka VI site: Recent investigations of the microblade industry in Marine Region, Russian Far East // The Wyoming Archaeologist. – 1995. – Vol. 39(1/2). – P. 1 – 5.
- Kononenko A.V., Kononenko N.A., Kajiwarra H.** Implications of Heat Treatment Experiments on Lithic Materials from the Zerkalnaya River Basin in the Russian Far East // Proceedings of the Society for California Archaeology. – Fresno, California. – 1998. – Vol. 11. – P. 19 – 25.
- Kozłowski J.K.** Comparisons of the Evolution of the Lithic Industries in the Late Middle Paleolithic between Europe and Central and East Asia // From Sozudai to Kamitakamori. World Views on the Early and Middle Paleolithic in Japan. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 215 – 225.
- Mellars P.A.** The Ecological Basis of Social Complexity in the Upper Paleolithic of Southwestern France // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 271 – 297.
- Price T.D., J.A. Brown.** Aspects of Hunter-Gatherer Complexity // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 3 – 20.
- Rice P.V.** On the Origin of Pottery // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1999. – Vol. 6, N 1. – P. 1 – 55.
- Soffer O.** Pattern of Intensification as Seen from the Upper Paleolithic of the Central Russian Plain // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 235 – 270.
- Straus L.G.** The World at the End of the Last Ice Age // Humans at the End of the Ice Age. Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 3 – 9.
- Yellen J.E.** Archaeological Approaches to the Present. Models for reconstructing the Past. – N.Y.: Academic Press, 1977. – 259 p.

Материал поступил в редколлегию 24.04.2000 г.

УДК 903.27:73/75

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет
ул. Алеутская, 56, Владивосток, 690600, Россия
Тел.: (8-423-2) 25-77-48

ОБИТАТЕЛИ МОРЯ В ИСКУССТВЕ БОЙСМАНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

Самый продуктивный и уже достаточно знаменитый (библиография на пяти языках превысила 100 наименований) памятник палеоисторических культур в Приморье – Бойсмана II автору посчастливилось открыть 7 августа 1987 г. В том же году совместно с В.А. Раковым были проведены первые зачистки, отобраны раковины для радиоуглеродного датирования, предварительно определен возрастной состав устриц из нижнего слоя, выявлены стратиграфия памятника и особая ценность культурных остатков в толще раковин [Brodianski, Rakov, 1992]. В последующие годы к исследованиям в бухте Бойсмана, в устье р. Рязановки, на побережье залива Петра Великого южнее Владивостока подключились многочисленные специалисты из России, США, Японии: А.А. Крупянко, А.Н. Попов, Т.А. Чикишева, Е.Г. Шпакова, Л.Н. Беседнов, Н.Б. Верховская, Э.В. Алексеева, Д. Еснер, К. Тэрнер и др. В 1991 г. были открыты первые могильник и жилище. С 1992 г. Археологическим отрядом Дальневосточного государственного университета руководит А.Н. Попов, в работе отряда неизменно участвует автор. Вскрыты две трети памятника, несколько раковинных куч мощностью до 1,5 м, два жилища, два могильника, древнейшие слои ниже толщи раковин, исследован древний устричник, из которого была добыта основная масса моллюсков (Попов А.Н. Отчет о спасательных археологических работах на памятнике Бойсмана II в 1998 г. – Архив музея ДВГУ).

Материалы

Ценнейшая часть бойсманских коллекций – произведения искусства и предметы-знаки (оленьи рога, кам-

ни, раковины), образующие композиции, которые были найдены в погребениях и над ними, в жилищах и толще раковин. Среди них выделяется серия скульптурных изображений представителей морской фауны (ластоногих, дельфинов, рыб, черепах, водоплавающих птиц) и остатков морских животных (створок раковин, костей кита), использованных в творчестве древних бойсманцев. Эта серия происходит из нижнего слоя памятника. Читателям, надеюсь, будут интересны описание данной коллекции и предварительные наблюдения автора.

Три скульптуры изготовлены из ребер серого кита (определил Г.М. Вейнгер). Большая серия таких костей была найдена в толще раковин уже в 1991 г., некоторые из ребер имели острые края и могли применяться как разделочные ножи, но использование хрупких костей как поделочного материала казалось маловероятным. Неудивительно, что при таком подходе две из трех скульптур не были определены в процессе раскопок и замечены лишь в ходе камеральной обработки.

Самая крупная из них – длина 400 мм, ширина (высота) 90 мм, толщина 42 мм, – по определению специалиста по ластоногим А.Е. Кузина (все определения изображений ластоногих выполнены им), с реалистической точностью передает очертания ларги (*Phoca larga*) – пятнистого тюленя (рис. 1, верх). Древний скульптор ямками изобразил пятна на шкуре, шершавая фактура кости смотрится как мех. Перевернутое изображение (рис. 1, низ, левая часть фигуры) воспроизводит голову самца горбуши в период нереста. Всего, с учетом материала, находка соединяет в смысловой цепи кита, ларгу и горбушу. Изделие найдено в слое раковин над северной частью жилища № 2. На полу этого же жилища найдена первая

из опознанных скульптур на ребре кита (рис. 2, 2), ее размеры $132 \times 56 \times 21$ мм. Выемка, отделяющая “головку” (или “хвост”), – искусственная, обработана вся верхняя дуга. В одном ракурсе передает очертания кита (выделен хвост), в другом – тюленя (выделена голова).

Третья скульптура найдена в 1992 г. в толще раковин над жилищем № 1, была замечена при осмотре коллекций К. Тэрнером семь лет спустя. К. Тэрнер скептически отнесся к мысли о искусственной обработке хрупкой китовой кости, но В.А. Раков и О.Л. Морева, уже знакомые с двумя описанными выше предметами, обратили мое внимание на эту фигурку дельфина (по В.А. Ракову), ее размеры $182 \times 41 \times 27$ мм (рис. 2, 1). Правая (на рисунке) часть скульптуры, возможно, воспроизводит голову лосося, левая – голову дельфина. Небольшая, из трех вещей, серия полиэikonических фигур из ребер кита свидетельствует о том, что этот хрупкий материал использовался бойсманскими ваятелями.

Скептически отнеслись коллеги и к трем фигуркам морских черепах, найденным в слоях поминального комплекса над могильником № 1. Они изготовлены из второго шейного позвонка – эпистрофея простейшим приемом: отломано кольцо позвонка (по заключению Э.В. Алексеевой, отломать кольцо труднее, чем “зуб”). В результате (рис. 3, 4, 5) получились фигурки морской черепахи – голова и лапы. Длина их 30, 33, 34 мм, ширина 42 – 44 мм, толщина 12, 14, 16 мм. В заливе Петра Великого есть один вид морских черепах – головастые, или ложные каретты длиной 1,5 – 2 м и весом 100 – 120 кг [Жизнь животных, 1969]. У могильника № 2 в толще раковин найдена расколотая каменная фигурка черепахи размером $98 \times 72 \times 36$ мм, определить ее вид по фрагменту невозможно, но сам факт этой находки подтвердил присутствие популярного в дальневосточной мифологии персонажа в творчестве бойсманских скульпторов и связь фигурок черепах с могильниками.

В жилище № 2 найдены фигурки лаконогих. Кроме двух изделий из кости кита – ларга и тюлень неопределенного вида – там же обнаружены две каменные фигурки. Одна (рис. 3, 1) из темно-зеленого кремневого сланца, оформлена краевой ретушью с двух сторон по всему периметру, размеры $52 \times 20 \times 3 - 4$ мм. По заключению Н.А. Кононенко, следов использо-

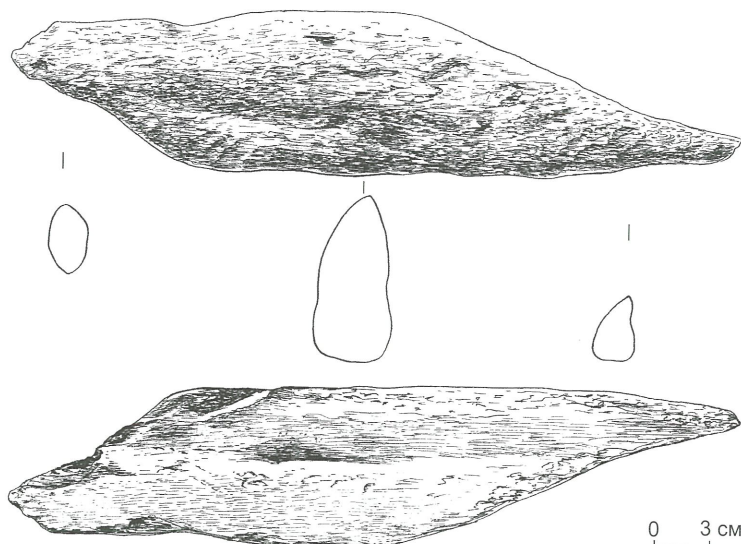

Рис. 1. Скульптура из реберной кости кита: верх – ларга, низ – самец горбуши.

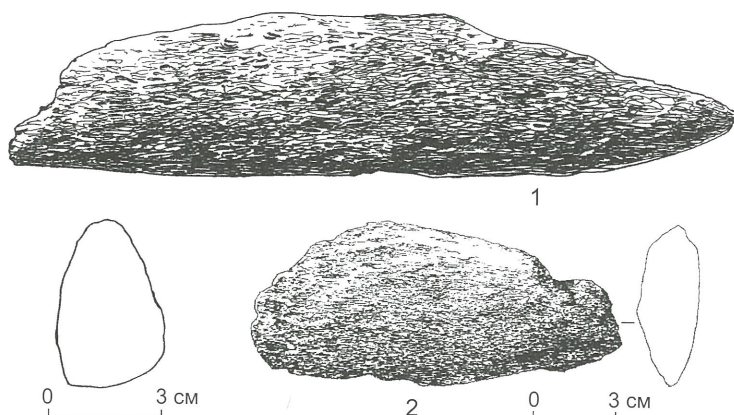

Рис. 2. Скульптура из реберных костей кита.
1 – дельфин – лосось, 2 – кит – тюлень.

вания ее как орудия нет. В верхнем ракурсе (на рисунке) – тюлень, вероятнее всего, ларга, в нижнем – кабан. А.Н. Попов заметил, что в вертикальном положении фигурка воспроизводит очертания женщины. Другая каменная скульптура найдена в середине толщ раковин – в 46-м из 106 слоев створок устриц. Это изображение морского котика с поднятой вверх головой (рис. 3, 7). Изделие выполнено из светло-коричневого кремневого песчаника, обработанного ретушью по всей поверхности, размеры $40 \times 36 \times 9$ мм. В заполнении жилища № 2 найдена фигурка-подвеска (размеры $82 \times 20 \times 8$ мм) из зуба сивуча – морского льва, сивуч же и изображен. Обработка изделия ограничилась тонким пропилом, отделяющим голову от шеи животного (рис. 3, 6). Кроме фигурок в жилище найден необработанный манупорт с очертаниями

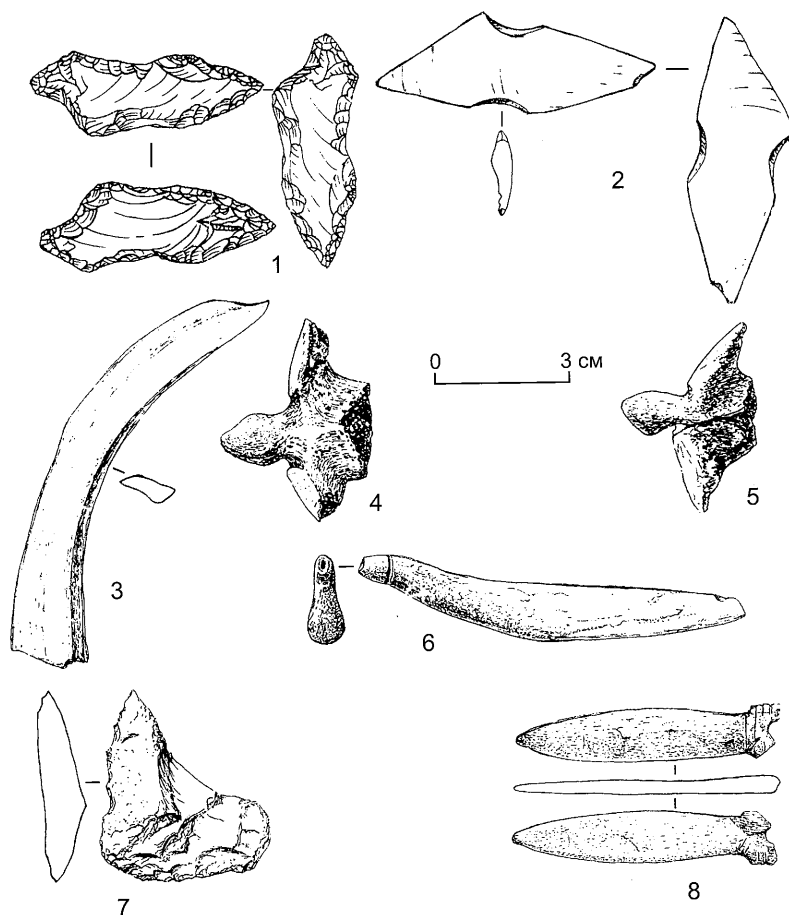

Рис. 3. Фигурки из камня и кости.

1 – тюлень – кабан – женщина, 2 – кабан – акула – женщина, 3 – дельфин, 4, 5 – морские черепахи, 6 – сивуч, 7 – морской котик, 8 – рыба.
1, 7 – камень, 2, 3 – клык кабана, 4, 5, 8 – кость, 6 – зуб сивуча.

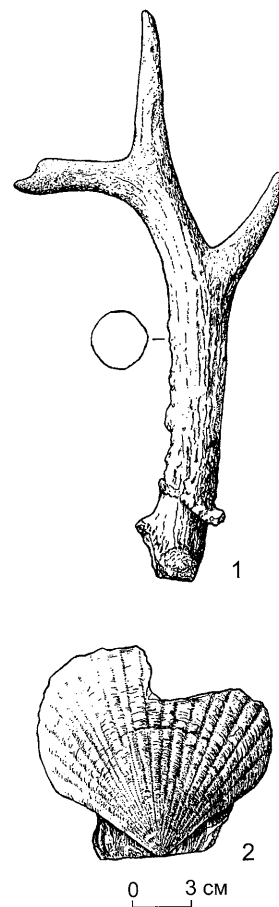

Рис. 4. Композиция из рога козули с изображением утки и створки гребешка из могильника № 2.

сивуча или (по А.Е. Кузину) неопределенного ластоногого. В заполнении жилища № 2 и толще раковин над ним Д. Еснер выделил серию костей и зубов ластоногих, там же обнаружены крупные зубчатые гарпуны, с помощью которых, вероятно, и охотились на тюленей.

Из расщепленного кабаньего клыка изготовлен нож с выпуклым лезвием, в нижнем слое Бойсмана II есть серия таких ножей, но у данного изделия (рис. 3, 3), найденного в поминальном комплексе над погр. 1 могильника № 1, у острия сделана выемка, что придало ножу очертания дельфина, выпрыгивающего из воды, размеры изделия $90 \times 14 \times 2,5$ мм.

В различных горизонтах нижнего слоя Бойсмана II найдены шесть рыбовидных подвесок из кости, возможно, некоторые из них были блеснами, на двух – календарная графика. Наиболее реалистичны две одинаковые подвески – рыбки (рис. 3, 8), их размеры $57 \times 11 \times 2 - 4,5$ мм, диаметр отверстия 2,5 мм. Очертания фигурки близки, по определению В.А. Ра-

ковой, виду стихей Григорьева (*Stichaeus Grigorievi*) (другое название рыбы – маслюк).

К морской фауне правомерно отнести и водоплавающих птиц, в трех случаях головка такой птицы выточена на кончике отрезка оленьего рога или рога козули: 1) на полу жилища № 2 в композиции из гальки, оленьего рога с головкой птицы и сосуда, внутри последнего найден зуб человека; 2) в поминальном слое над могильником № 2; 3) непосредственно над погребением семи человек в могильнике № 2 в композиции из рога козули с изображением головы утки и створки гребешка (рис. 4). Среди вещей этого коллективного погребения три шейные гривны из оленьего рога, одна из них представляет изогнутое змеевидное тело (16 витков), на одном конце которого вырезана голова летучей мыши, на другом – утки или клика (рис. 5, 2). Шейная гривна из рога найдена также в одиночном мужском погребении того же могильника и, по определению В.А. Ракова, является изображением моллюска туррителла (*Turritella*

fortiliratie Sowerly) – это первое известное мне скульптурное изображение моллюска (рис. 6). Его длина 157 мм, максимальный диаметр 20 мм, большая часть поверхности (118 – 120 мм) представляет собой спираль, один конец ее завершается округлой головкой, на другом – выступ 35 мм, также завершающийся головкой. Возможно, в этом удивительном изделии специалистами-зоологами будут опознаны другие столь же редкостные персонажи, я же обратил внимание на число спиралей: 27 – 28 – числа календарные. К календарям можно отнести еще одну шейную гривну (см. рис. 5, 1): на концах ее вырезаны головки лося и оленя, а между ними чередование борозд и семи выступов (число 7 – период смены фаз Луны).

В комплексе коллективного погребения найдена еще одна сложная фигурка, вырезанная из эмалевого слоя крупного кабаньего клыка (см. рис. 3, 2). Один из ее ракурсов – голова кабана (см. рис. 3, 2, слева), другой – голова акулы (рис. 3, 2, справа), в вертикальном положении – женская фигурка, аналогичная каменной скульптуре (см. рис. 3, 1), в плане же это изделие отдаленно напоминает парящую над морем крупную птицу.

В Бойсмана II найдена серия из семи створок приморского гребешка (*Mizuhopecten yessoensis*) с пробитым отверстием и следами протертостями от шнура. Одна такая створка была в погр. 3 могильника № 1, другая (рис. 7) – в надмогильном слое могильника № 2, рядом с оленьим рогом. Первоначально я назвал эти вещи масками – по аналогии с маской из Тонгсамдона [Бродянский, Раков, 1996], но возможно, что две композиции над коллективным погребением могильника № 2 (см. рис. 4), где створки гребешка не пробиты, а поломаны, подсказывают, что и пробитые, и поломанные створки символизируют сам моллюск, также как рог – символ оленя. Поломка предметов при погребении – широко известный в археологии и этнографии прием “умерщвления” вещей. Впрочем, манипуляции со створками гребешка не ограничивались поломками. Найдены две створки, обточенные по всему периметру: из створки гребешка изготовлен отполированный диск. Ранее публиковались образцы других изделий из створок различных морских моллюсков [Там же]. На плечевой кости мужчины из погр. 1 в могильнике № 1 находились два погончика из кожи с нашитыми кружочками из перламутрового слоя раковин пресноводных моллюсков [Там же, рис. 1, 2] и между ними зуб акулы. Створки раковин использовались как инструменты-штампы при орнаментации керамики.

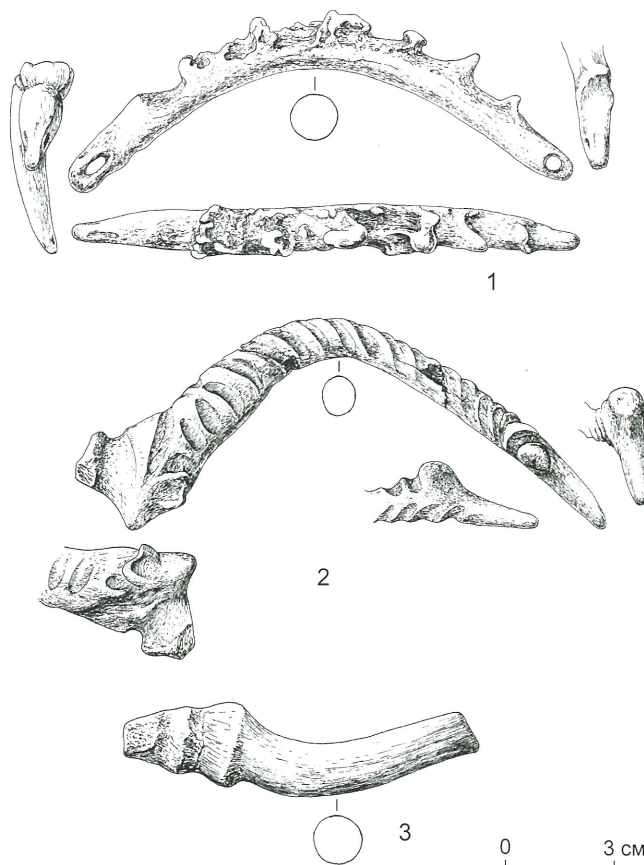

Рис. 5. Шейные гривны из оленьего рога из погр. 3 могильника № 2.

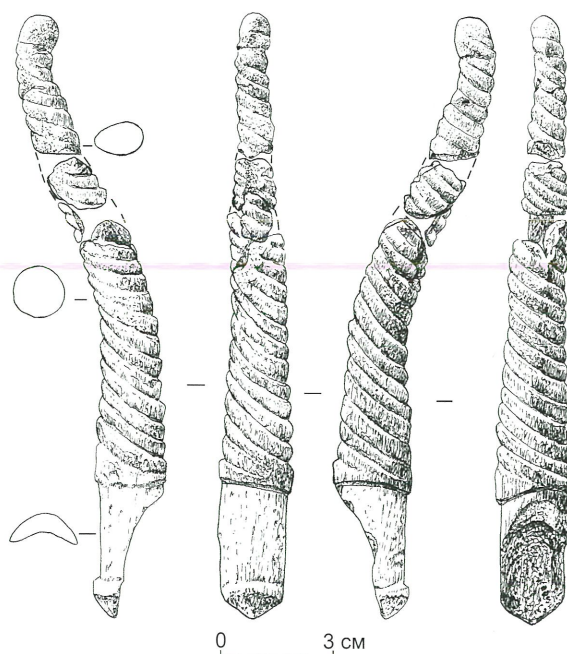

Рис. 6. Шейная гривна из оленьего рога – моллюск туррителла из погр. 1 могильника № 2.

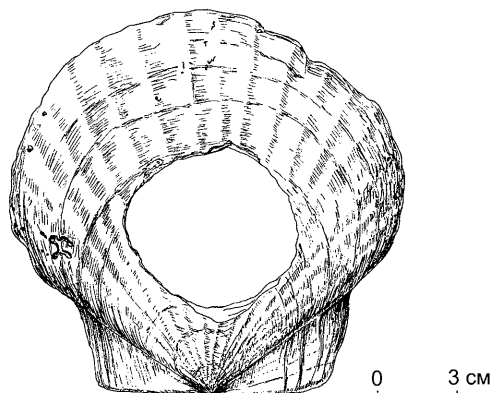

Рис. 7. Створка приморского гребешка с пробитым отверстием и следами привязывания.

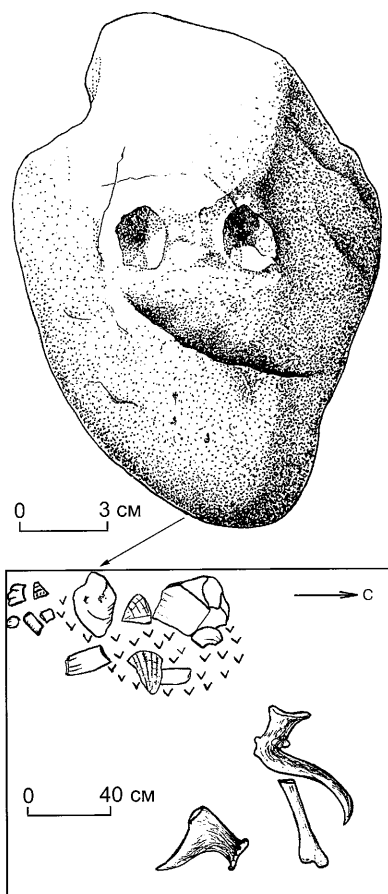

Рис. 8. Личина на камне из композиции с оленьим рогом и створкой гребешка в очажном пятне (над могильником № 2).

Над погребением женщины в могильнике № 1 и над погребениями могильника № 2 располагался слой крупных створок устриц. Из таких же створок над четырьмя слоями с кострищами и камнями с петроглифами – поминальным комплексом могильника № 1 – был насыпан небольшой холм, увенчанный галькой фалической формы длиной 310 мм.

Предварительные наблюдения

Приведенные здесь наблюдения, несомненно, не исчерпывают всего многообразия обращений бойсманцев к морской фауне в их творчестве.

Самые многочисленные в коллекции антропо- и зооморфные личины на камне из поминальных комплексов могильников: 15 камней, 126 личин. К ним примыкают четыре антропоморфные фигурки. Последняя по времени находка – личина из жертвенника над могильником № 2 в композиции с рогом оленя и гребешком (рис. 8). Серия изображений и символов морских животных – вторая по численности; не намного уступает третья группа – изображения наземных животных (лось, олень, кабан, змея), если учесть знаки – рога и другие символы. К четвертой группе я бы отнес изделия с календарной графикой – более 20 предметов. Шейные гривны (см. рис. 5, 6) объединяют вторую, третью и четвертую группы, полиэйконические фигурки (см. рис. 3, 1, 2) – первую, вторую и третью.

Полиэйконизм скульптуры, шейных гривн, композиций – очевидное свидетельство иллюстрации мифов, в которых происходит трансформация и взаимодействие персонажей. Видеоряд двух “тройных” фигурок: ларга – кабан – женщина (см. рис. 3, 1) и кабан – акула – женщина (см. рис. 3, 2) – в сочетании с антропологическим обликом погребенных в Бойсмана II людей – арктических монголоидов [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997] указывает направление поиска возможных аналогий. С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев на Чукотке, в Уэленском и Эквенском древнеэскимосских могильниках нашли серию полиэйконических скульптур из моржового клыка и связали некоторые изображения с фольклорным рядом: хозяйка моря – касатка – волк [Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 179 – 183.] С поправкой на иную природную среду и большую (на 4000 лет) древность бойсманских могильников ряд образов женщина – тюлень (акула) – кабан вполне мог быть далеким предшественником мифа, записанного на Чукотке: о женщине – хозяйке моря, превращающейся в касатку, пригоняющую к берегу китов и моржей, а зимой преображающуюся в волка.

Исторический контекст

Расположенный на берегу теплой лагуны сезонный промысловый лагерь, который мы теперь называем Бойсмана II, функционировал как минимум полторы тысячи лет, вероятно, с перерывами – от 6500 до 5000 л.н. [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. Поселения с близкой по типу керамикой располагаются по всему восточному и южному побережью Корейского полуострова и на о-ве Кюсю: Сопхохан, Осанни, Синамри, Тонгсамдон – более 70 памятников [Ли Сон Гюн,

1996]. Морская ориентация экономики бойсманцев – морская охота, рыболовство, выращивание устриц – отражена в наборе орудий (гарпуны, рыболовные крючки, грузила), обильных остатках морской фауны и описанной группе произведений искусства. На юге Кореи в устье р. Тэхве, впадающей в залив Ульсан, на скале Бангу-Де в неолите, примерно в то же время, когда существовал лагерь в бухте Бойсмана, выполнены наскальные рисунки, изображающие акул, касаток, дельфинов, китов и охоту на них, рыб, бакланов [Раков, 1998; Moon, 1984]. Дзёмонские памятники на западном побережье Японии также зафиксировали морскую адаптацию оставившего их населения [Tetsuo Hiraguchi, 1992]. Позднее на побережье Кореи и Приморья бойсманский тип поселений сменяют культуры, продвинувшиеся с юга Маньчжурии и западного побережья Кореи: Синлэ, Синлунва, Амноккан, в Приморье – зайсановцы. Это население занималось земледелием, свиноводством, ловило рыбу. Очевидно, что под давлением зайсановцев начался процесс оттеснения бойсманцев – арктических монголоидов на север, где морская охота и связанное с ней искусство получают развитие в культурах эскимосов, алеутов, коряков. Неолитические культуры бассейна Японского моря предстают сейчас как среда первоначального развития типов морской ориентации экономики на севере Тихого океана.

Впрочем, постепенно выявляются более древние свидетельства использования пищевых ресурсов моря, рек и озер. В Сокдьяни I (Корея) на глиняном полу жилища вырезано изображение кита [Деревянко, 1983, с. 128]. На Камчатке, в VI слое поселения Ушки I найдены косточки лососей и геоглиф-изображение рыбы на полу жилища [Диков, 1983, с. 16 – 19, рис. 8]. В устиновских памятниках Приморья обнаружена серия каменных фигурок рыб и скульптурное изображение нерпы, стилистически близкое фигурке из Бойсмана II, выполненной из кости кита (см. рис. 2, 2) [Бродянский, Гарковик, Крупянко, 1998]. Произведения искусства из слоев позднего палеолита – мезолита (20 – 8 тыс. л.н.) свидетельствуют о существовании рыболовства и морской охоты на западном побережье Тихого океана в конце плейстоцена. Думаю, с этими же отраслями экономики связаны огнеупорные контейнеры – керамические сосуды, появившиеся на Дальнем Востоке 16 тыс. л.н. [Derev'anko, Petrin, 1995], вероятно, они служили для вытапливания и хранения жира.

На западе Евразии первые свидетельства внимания человека к морской фауне относятся к ашелью [Bahn, 1998, р. 86], изображения лососей, угрей и тюленя зафиксированы в культуре верхнего палеолита Франции [Абрамова, 1978, с. 77; Гричан, Симанов, 1980, с. 54 – 55, 58]. В искусстве аборигенов Австралии, носителей живой культуры палеолита, есть рисун-

ки рыб [Bahn, 1998, р. XXX, 189]. Летающие рыбы, осьминоги, морские звезды, моллюски – персонажи росписей эгейских ваз и фресок [Эгейское искусство, 1972, с. 35 – 37, 66, 89, 93]. На севере Европы, на побережье Белого моря, в устье р. Выга не менее 50 раз выбиты 4 тыс. л.н. сцены гарпунной охоты на белух [Савватеев, 1970]. Число примеров можно умножить многократно, упомяну еще только знаменитую картину Сандро Боттичелли “Рождение Венеры”: богиня всплывает из морской пены в раковине гребешка. Обитатели моря не только издревле кормили человека, но и вдохновляли его. В записанных В.К. Арсеньевым сказаниях удэгейцев и орочей водной стихией управляют “водяные люди”, в одном из мифов границу миров, границу жизни и смерти первому человеку открывает раковина Кяхта онилени с человекообразной верхней половиной [Арсеньев, 1995, № 3, с. 175 – 176]. В корейской мифологии из головы огромной черепахи-горы от брака с драконом (змеей) рождается Солнце, черепаха служит для него укрытием и средством переправы через водную преграду [Никитина, 1982]. В неолитическом зайсановском слое Синего Гая определен ряд из каменной черепахи и двух керамических личин (женской и мужской) – наглядная иллюстрация выявленного М.И. Никитиной мифа [Бродянский, 1998а]. В одном из ракурсов полиэйконической мужской личины я вижу персонаж другого мифа – о Единороге [Никитина, 1997]. Композиция из слоя могильника № 2 (см. рис. 4) ассоциируется с переносом душ умерших на олене (косуле) – птице и гребешке – корабле. Загадочные змеевидные шейные гривны (см. рис. 5, 6) из бойсманского могильника № 2, полиэйконические фигурки, личины и композиции – зашифрованные в образах тексты мифов. Уникальность археологического контекста нижнего слоя Бойсмана II вселяет надежду реконструировать хотя бы часть этих мифов, распространенных на огромном пространстве от Кореи до Чукотки и Аляски.

В заключение благодарю художницу Л.П. Ходзевич и всех, чьи определения и помощь способствовали рождению этой статьи.

Список литературы

Абрамова З.А. Эдуард Пьетт и его роль в изучении первобытного искусства // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 70 – 85. – (Сер. “Первобытное искусство”).

Арсеньев В.К. Мифы, легенды, предания и сказки народов Дальнего Востока // Краеведческий бюл. – Ю.-Сахалинск, 1995. – № 1. – 176 с.; № 2. – 212 с.; № 3. – 191 с.; № 4. – 190 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

Бродянский Д.Л. Каменная черепаха из Синего Гая и новые ракурсы старых находок // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998а. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 34 – 48.

Бродянский Д.Л. Бойсманские фигурки // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998б. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 92 – 101.

Бродянский Д.Л. Красавица ларга из ребра кита и другие произведения бойсманских ваятелей // Вестн. ДВО РАН. – 1999. – № 2. – С. 103 – 110.

Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупняк А.А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 5 – 18.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите побережья Приморья // Вестн. ДВО РАН. – 1996. – № 1. – С. 124 – 130.

Гричан Ю.В., Симанов А.Л. Гравюра из грота Ла Мадлен (Франция) // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 48 – 61. – (Сер. “Первобытное искусство”).

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 216 с.

Диков Н.Н. Палеолит на крайнем Северо-Востоке Азии // Диков Н.Н., Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Древние культуры Тихоокеанского побережья СССР. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. – С. 5 – 25.

Жизнь животных. – М.: Просвещение, 1969. – Т. 4, ч. 2. – 448 с.

Ли Сон Гюн. Некоторые вопросы изучения керамики поселения Синамри // Научные доклады по изучению прошлого Хонами-3. – Сеул: Науч. об-во по изучению прошлого Хонамо, 1996. – № 5. – С. 1 – 28 (на кор. яз.).

Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Никитина М.И. Пэкчэский Единорог в связи с мифом о Матери-Тигре и ее Сыне-Олене // Вестн. Центра корейского языка и культуры. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 136 – 159.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Раков В.А. Наскальные изображения гигантских морских животных в неолите на юге Корейского полуострова // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 60 – 79.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 444 с.

Эгейское искусство. – М.: Изобраз. искусство, 1972. – 168 с.

Bahn P.Y. Prehistoric Art. – Cambridge: University Press, 1998. – 302 p.

Brodianski D.L., Rakov V.A. Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific // Pacific Northeast Asia in Prehistory. – Pullman: Washington State University Press, 1992. – P. 27 – 31.

Derev'anko A.P., Petrin V.T. The Roots and Division into Periods of the Early Neolithic Cultures of the Amur Basin and Maritime Region. – Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, 1995. – 21 p.

Moon M.D. Rock Picture at Ban-gu Dae: Ban-gu Dae Rock picture in U1-Ju. – Seoul: Dongguk University, 1984. – P. 254 – 259.

Tetsuo Hiraguchi. Catchind Dolphins at the Mawaki Site Central Gapan, and Its Contribution to Iomon Society // Pacific Northeast Asia in Prehistory. – Pullmen: Washington State University Press, 1992. – P. 35 – 45.

Материал поступил в редколлегию 20.01.2000 г.